

Введение

В любой культуре, традиционной или современной, ритуалы представляют собой значительную часть того, что носители культуры считают самоочевидным. В обычной речи мы бы даже не стали использовать слово “ритуал” для таких мероприятий, как дни рождения, начало нового учебного года или начало футбольного матча. Игнорируя универсальность этого явления, мы склонны использовать слово “ритуал” в отношении традиционных культур, подобных тем, которые будут описаны ниже. Хотя, правильно ли называть удмуртскую культуру традиционной культурой?

Не будем здесь останавливаться на сложном определении традиции, а просто будем полагаться на интуитивно воспринимаемое понятие “традиционного”. Удмурты – это этническая группа, проживающая в центральной России и имеющая аграрные традиции. В жизни удмуртов деревенские традиции находят очень глубокие корни, а современная городская жизнь начала доминировать в их жизни всего лишь столетие назад, в начале XX века, с приходом советской эпохи. Хотя советский период имел и имеет глубоко неоднозначные последствия, как обогащающие, так и трагические, он, несомненно, позволил удмуртам вступить в новый период своей истории. Сегодняшние удмурты, те самые удмурты, о которых мы собираемся рассказать, – это современные люди. У многих из них дома есть компьютеры, и они общаются с друзьями через социальные сети. Они слушают те же песни и смотрят те же фильмы, что и их сверстники в других частях света. Итак, с одной стороны, они глобализированные люди. Но в то же время, у них есть наследие, которое они сохраняют, у них есть свой собственный способ обращаться к Богу и укреплять связи внутри своего сообщества.

Когда речь заходит о традиционной религии, некоторые исследователи, конечно, ищут старожил. Действительно, многое было утрачено из-за советского табу на изучение религии, и разумно попытаться заполнить пробелы, собрав как можно больше воспоминаний. Но важно не повторять ошибок пятидесятилетнего прошлого, а фиксировать и изучать в том числе и современную ситуацию в культуре особенно потому, что настоящее – это увлекательный период. После долгого периода забвения закамские удмурты получают свои традиции и обновляют их в соответствии со своими потребностями. Вполне понятна боль пожилых людей, которым приходится наблюдать, как гибнет мир их детства и юности. Это вполне понятно! Но также здорово следовать за теми, кто вовлечен в построение связей между корнями и плодами. Именно об этих людях и идет речь в данном исследовании.

Мы провели полевые исследования среди так называемых закамских удмуртов, диаспоры, проживающей в тюркской среде к востоку от реки Кама, большая часть их находится в Республике Башкортостан, хотя ядро удмуртского населения остается на территории Удмуртии (Удмуртская Республика) между реками Вяткой и Камой. Весь закамский регион является особенным с религиозной точки зрения: их никогда не заставляли принимать христианство⁴¹, и их особая форма аграрного культа все еще жива, с большей или меньшей преемственностью. Мы проанализируем это явление на материале одного из районов Башкортостана, где девятнадцать удмуртских деревень образуют кластер.

Знакомство с коллективными ритуалами закамских удмуртов

После краткого введения расскажем, как мы познакомились с ритуалами, которые изучаем уже десять лет. Мы, авторы, работаем среди закамских удмуртов с 2013 года, сначала по собственной инициативе при поддержке Тартуского университета, позже в рамках нескольких эстонских и французских проектов. Мы опираемся на данные, собранные в ходе полевых работ в разных деревнях Татышлинского района Башкортостана. Деревни из других районов, где проводятся коллективные ритуалы, тоже не остались без внимания, но здесь мы используем эту информацию как дополнительную, для сравнения, а сосредоточимся как раз на комплексе ритуалов, годовом цикле, сохраняющемся в интересующем нас кластере из девятнадцати деревень.

Ева познакомилась с Татышлинским районом в 2011 году, когда воспользовалась свободным временем после участия в российско-французской летней школе молодых ученых в Уфе, столице Башкортостана. Она посетила Удмуртский культурный центр в селе Новые Татышлы, известной удмуртам как Вильгурт (“новая деревня”). Удмуртские активисты, сопровождавшие Еву, показали ей священные места и рассказали о жертвенных церемониях, что побудило ее интерес, ставший особенно острым из-за недавно полученного в Удмуртии опыта. Там поддерживающие традиционную религиозную практику отнеслись к Еве с подозрением, что можно объяснить враждебностью, которую Православная церковь выстроила в отношении носителей анимистической традиции. Открытость и естественность, с какой люди в с. Новые Татышлы рассказывали о своих ритуалах, вызвало у исследовательницы интерес, и два

---

⁴¹ Хотя некоторые люди, по разным причинам, обратились в христианство.

года спустя, с согласия местных властей, она вернулась. Ева приехала с двумя коллегами, удмуртским этнографом и специалистом по удмуртской религии Ранусом Садиковым, с которым большинство людей в регионе уже были знакомы, благодаря его долгой работе в регионе; и соавтором этой книги, эстонским визуальным антропологом и режиссером Лийво Нигласом. Присутствие режиссера казалось необходимым, поскольку было очевидно, что решающую роль для документирования практики сыграет именно визуальный аспект, тем более, эта практика еще не была задокументирована и о ней за пределами региона знали лишь несколько человек.

Первый год позволил нам раскрыть это направление исследования. Наша небольшая команда нашла жилье в небольшой деревне Малая Бальзюга, и мы начали нашу работу со знакомства с местными жрецами, совершающими жертвоприношения. На самом деле, выбор деревни был очевиден: там жил не только исполняющий обязанности жреца исключительно молодой человек, 30-летний Фридман Кабипьянов, но и его предшественник, старый жрец Назип Садриев, авторитет по религиозным вопросам на всей территории Удмуртии.

Пробыв в деревне месяц и влившись в общественную жизнь, мы познакомились с географией района, деревнями, местными властями и многими сельскими жителями, некоторые из них регулярно навещали нашу хозяйку, приносили информацию прямо нам. В то же время они хотели понять, кто мы такие, ведь иностранцев редко видели в деревне. Из-за перенесения церемоний на более раннее время мы не смогли присутствовать на деревенском молении (в начале июня, когда мы приехали, оно уже было проведено), но мы успели к двум большим событиям, в которых участвовали несколько деревень. Мы присутствовали и снимали, что дало нам возможность познакомиться с несколькими активными жрецами и их помощниками, но мы никогда не посещали церемонию без предварительного согласия с их стороны, и нужно признать, что никогда, ни в Татышлинском районе, ни где-либо еще, мы не получали отказа. Напротив, нас всегда принимали с предельным дружелюбием. Если и были сомнения или возражения у кого-то из наших партнеров, они никогда не высказывались нам напрямую. Таким образом, у нас была возможность отметить некоторые различия между ритуальными практиками разных местностей. Более того, в конце месяца мы посетили церемонию, в которой участвовал весь регион Закамья.

Шесть месяцев спустя мы вернулись для участия в зимних церемониях и посетили две из них. Мы были предоставлены сами себе, потому что у Рануса были проблемы со здоровьем, которые не позволили ему участвовать в полевых исследованиях в течение полутора лет. У нас уже

были кое-какие контакты, жилье, в котором нам были рады, и доверие людей, ответственных за церемонии. Мы обнаружили переводчицу, докторантку Тартуского университета Анну Байдуллину, которая должна была закончить докторскую диссертацию дома, в удмуртской деревне.

В следующем году наша команда пополнилась эстонским антропологом религии Лауром Валликиви, который позже трижды присоединился к нашей полевой работе. Наконец-то мы смогли присутствовать на церемониях на уровне деревни, даже на двух из них. Это было действительно познавательно. Когда в том же году местные удмуртские чиновники заговорили о стандартизации удмуртских ритуалов (ПМА 2014⁴²), мы стали свидетелями их необычайного разнообразия даже в очень близких деревнях. Мы понимали, что документирование должно было решить этот вопрос. Учитывая мощное влияние кино, мы поняли, что должны заснять все деревенские церемонии, поскольку каждая деревня имела право иметь задокументированными свои традиции, свой способ ведения дел, ведь если этого не делать, стандартизация вполне могла ориентироваться только на задокументированные церемонии, игнорируя незадокументированные. По этическим соображениям наша программа была рассчитана на несколько лет.

В следующем, 2015 году, Ранус Садиков вернулся, но Лийво Ниглас, который снимал документальный фильм в США, не смог присоединиться к нам. Таким образом, только Ева и Ранус проводили исследование, посетив несколько новых деревень, частично в других районах. Тогда у нас был новый опыт сотрудничества с Удмуртским телевидением, которое по нашей просьбе и при финансовой поддержке Тартуского университета прислало оператора для съемки деревенского моления, подтвердившей локальную уникальность церемоний.

2016 год стал поворотным моментом в нашей полевой работе, поскольку в том году к нам присоединился Николай Анисимов, молодой удмуртский фольклорист, свободно владеющий удмуртским (своим родным языком), готовящий докторскую степень в Тартуском университете, чье присутствие значительно расширило область наших исследований. Присутствие Анисимова было существенным с двух точек зрения. Во-первых, он открыл для нас отдельное направление – песню, центральный способ выражения в удмуртском общении. В первые годы у нас вообще не было контакта с песней, вероятно, потому, что Ранус не интересовался певческой культурой и сам не пел. Но Николай не только известный исполнитель удмуртских народных и эстрадных песен, хорошо известных во всей Удмуртии, у него также огромный

---

⁴² Записано Евой Тулуз в 2014 году от Салима Гарифуллина, 1950 г.р., с. Нижнебалтачево.

репертуар народных песен из разных местных культур. Одно его появление в усадьбах побуждало к пению. Восполнение этого огромного пробела в понимании современной закамской культуры было наиболее плодотворным. Во-вторых, методы работы Николая на местах и его статус позволили общению протекать гораздо легче и глубже: для всех было честью принять его в гостях. Нас приняли действительно как гостей, со всеми традиционными ритуалами гостеприимства.

С 2017 года исследование финансируется за счет французского государственного гранта⁴³ в дополнение к эстонским грантам, и каждый год, иногда два раза в год или чаще, группы ученых проводили полевые работы в Закамье. Люди ожидают нас. Ограничения, связанные с COVID-19, не позволяли нам проводить полевые работы весь 2020-й и часть 2021-го года, и жители деревни выразили свое удивление тем, что нас не было, поскольку привыкли к нашим визитам.

Наконец, с 2016 года нас пригласили на несколько более закрытых ритуалов. Сейчас у нас много друзей и знакомых в этом регионе, и люди заинтересованы в том, чтобы документировать свои семейные ритуалы, что мы с радостью делаем как ради науки, так и для их семейных архивов. Однако эти ритуалы не являются целью данной книги: мы сосредоточимся на церемониях коллективной молитвы, наиболее оригинальной религиозной практике закамских удмуртов.

Традиционные коллективные моления удмуртов в целом и закамских удмуртов в частности

До христианизации удмурты регулярно проводили моления, в которых участвовало население целых деревень и групп деревень. Даже после того, как евангелизация была достигнута, у нас есть свидетельства – как из архивных материалов, так и от ранних исследователей, которые оставили даже фотографии таких грандиозных церемоний, – что первоначально практика не была полностью прекращена (Wichmann I 1987; Sadikov, Mäkelä 2009; Harva 1914). Конечно, евангелизация на основной территории Удмуртии началась рано: она началась в 16 веке, с разгрома

⁴³ IUF 2017–2022 “Étude interdisciplinaire d’une minorité animiste en Russie d’Europe, les Oudmourtes orientaux: rituels, coutumes, engagement communautaire aujourd’hui” (2018–2022) Interdisciplinary study of an animist minority in Russia, the Eastern Udmurt: rituals, customs, and community involvement today”.